

DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-4-9-17

Введение в рубрику

Section introduction

Цифровое конструирование реальности и будущее человека

В.В. Миронов

Московский государственный университет

имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Миронов Владимир Васильевич – член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, декан философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (1998–2020).

info@philos.msu.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3818-2068>

Для цитирования: Миронов В.В. Цифровое конструирование реальности и будущее человека // Философские науки. 2021. Т. 64. № 4. С. 9–17. DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-4-9-17

The Digital Construction of Reality and the Future of Man

V.V. Mironov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Vladimir V. Mironov – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, D.Sc. in Philosophy, Professor, Dean of the Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University (1998–2020).

info@philos.msu.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3818-2068>

For citation: Mironov V.V. (2021) The Digital Construction of Reality and the Future of Man. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filo-sofskie nauki*. Vol. 64, no. 4, pp. 9–17.

DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-4-9-17

Часто мы говорим и думаем о том, чем для человека сегодня является событие, насколько событие связано с реальностью, какова в нем доля заведомого конструирования.

Может быть, впервые я столкнулся с этой проблемой в далеком 1980-м году. Это было сопряжено с тем, что мне пришлось сравнивать то, что реально происходит в нашей стране, с тем, как эти события трактовались за рубежом (мне приходилось выезжать в ГДР в тот период). Несмотря на близость стран, мы видели, как по-разному воспринимались наши события со стороны, например, жителей ГДР и со стороны россиян, которые рассуждали о ГДР и т.д. Масла в огонь тогда подлила фраза коллеги. В начале войны в Афганистане факультет направил его в командировку в Англию. Он очень быстро вернулся и рассказывал на факультете: «Мне было очень страшно, потому что мне показали все это на экране, как танки входят и т.д., и я только потом понял, что они врут. Я вернулся в СССР, смотрю – здесь тихо, спокойно. А я так испугался, что отказался дальше пребывать в Англии, вернулся – а здесь как бы все нормально, тут жизнь своя». Вот простой пример, и это было задолго до появления интернета.

1990-е годы добавляли в «копилку» другие подобные конструкции: знаменитый процесс объединения Германии, которого не было, а была интеграция и захват; затем серия цветных революций; знаменитая фантастическая история с Саакашвили, жующим галстук. Я в тот период был в Германии и ни разу не видел его жующим галстук по телевизору. Приехав в Россию, я видел в основном, как он жевал галстук.). Таким образом, мы видим, что реальность конструируется для человека. Немецкий, американский, французский, украинский, русский обыватель видит ту картинку, которую ему дают. Более того, мы не можем обывателя обвинять в том, что он делает из этих картинок неправильные выводы: он видит то, что видит. Для меня произошло открытие западных СМИ: насколько, мягко говоря, некорректно они себя ведут. Они не в меньшей мере искажают ситуацию, дают конструкции, которые настолько далеко отстоят от реальности, что просто диву даешься. Я видел вещи, о которых конкретно знал, и видел, как их преподносят в частности в Германии. Неслучайно в Германии сейчас идет волна рассуждений не о четвертой власти, а о СМИ как единственной власти, которая говорит то, что надо,

и умалчивает о том, о чем говорить не хотят. Возникает проблема политкорректности.

Как декан я столкнулся с этой проблемой, когда у меня была делегация политиков из Бундестага на факультете. Я отвечал на их острые вопросы о Крыме, задавал им соответствующие вопросы об объединении Германии. Оказалось, что они ничего не знают. Это – молодые люди, которые не слышали о многих вещах. Я им рассказывал, как было на самом деле, в каких годах происходило, что не было никакого референдума.

Исходя из этого, можно утверждать, что современные медийные технологии воздействуют на человека, его сознание и трансформацию культуры в целом. По сути, на смену человеку разумному приходит человек коммуницирующий. При этом коммуникация становится существенно иной: появилось такое пространство коммуникации, как интернет, который во многом напоминает средневековый карнавал – скрытые лица, скрытые имена, маски. Неизвестно, ты это или не ты, может быть три или четыре ника, ники могут сами с собой разговаривать.

Социальные сети во многом становятся царством шутов и дураков, а огромная часть героев интернета – это предмет психоанализа и выявления затаенных психологических мотивов. Неудачники могут себя позиционировать как успешные люди, слабые как люди, обладающие силой, интеллектуально бедные и примитивные как люди мыслящие и глубокие. Даже атрибутика карнавальная: колпаки, маски, скрытые лица, которые могут вас оскорблять, при этом сами вы ограничены в возможности отвечать, вернее, это бессмысленно, потому что все повисает в пространстве интернета. Единственное отличие – средневековый карнавал длился неделю или месяц, а нынешний карнавал, благодаря интернету, – практически постоянно. Этот карнавал переходит в нашу жизнь: неслучайно политика – это во многом шоу (достаточно посмотреть на Владимира Вольфовича Жириновского или Трампа).

Это совершенно иной тип коммуникации, в котором отсутствует живой человек как таковой. Значит, деформируется и диалог. Социальная сеть в широком смысле – это форма превращенного монолога, даже если она имитирует диалог.

Человек раньше писал дневники как бы для себя, но понимал, что надо подsunуть этот дневник, чтобы почитали, или издать его, и это потом становилось достоянием всех. Или, например, исповеди, которые потом выносились наружу, на публику. Такое общение напоминает мне, простите за этот термин, общение девиц в нашем Шуваловском корпусе, которые, поднеся к уху телефон, думают, что их никто не слышит, и обсуждают буквально все, включая проблемы интимного свойства. Само поднесение телефона к уху означает, что они отключились. Это не означает, что серьезность отсутствует, просто восприятие другими рассыпается на множество независимых монологов, и монологи длятся одновременно. Я уже не говорю о возможности прямых имитаций, фальсификаций и т.д.

В результате эта структура становится формой коллективного мышления, которая растворяет в себе личность. Я бы обозначил это как дерексивную форму общения, где царствует обыденность. Банальность при этом всегда преобладает. Когда вы пытаетесь говорить о сущностных проблемах, вы неизбежно превратите ее в банальность. Смешно наблюдать за людьми (да и я нередко попадаю в подобные ситуации), которые пишут серьезные длинные тексты в «Фейсбуке», не понимая, что люди больше пяти строчек не читают. Это растаскивается по индивидуальным сознаниям, превращается в банальность и не стоит выеденного яйца.

Банальность небезобидна. Это – форма нивелирования контактов, живого диалога, в котором имитация затруднительна (в живом диалоге трудно имитировать: ваша неуверенность или обман вас выдают, это видно по жестам и глазам). А здесь доминирует имитация, которая небезобидна (Блестяще это показал в своем романе «Текст» Дмитрий Глуховский. Правда, по следам этого романа был снят весьма посредственный фильм, к сожалению.) Таким образом, имитация, банальность, провокативность возводятся в абсолют, порождают массу недостойных продуктов, потребление которых носит массовый характер и этот ком нарастает.

Поколение, которое вырастает в доминирующем сегодня типе общения, воспринимает его как единственно верное и

переносит его на общение в реальной жизни, когда человеку кажется, что мир – это подобие компьютерной игры. В случае совершения недостойного поступка я могу просто перезагрузить компьютер. Но реальную жизнь перезагрузить трудно. «Я могу перезагрузить», как думает человек, не особо морально переживая по этому поводу. Виртуальность уже оказывает влияние на реальность. Был случай объявления прокурорских проверок в нашей стране по фейковым новостям, причем проверки «заходили» далеко, а впоследствии оказывалось, что все это сочинено. Мы начинаем смешивать реальность и виртуальность, что небезобидно, ибо виртуальность конструируется, в том числе сознательно. Событием является то, что сконструировано медийно, даже если этого события вообще нет.

Еще одним следствием деформирования коммуникаций является то, что, с одной стороны, пространство для общения значительно расширяется, но одновременно становится однообразным. Каждый потребитель выбирает себе кластер, выбирает себе друзей и может никогда из этого не выходить, но при этом создается впечатление, что его слушают многие люди, его знают все, он активен. Хотя, условно говоря, 100–120 человек, даже 500 человек – это ничто для современного общения. Это ведет к уменьшению степени социализации человека в реальном мире, потому что легче подписывать петиции, комфортно и удобно сидя в ванной, чем социализироваться. И манипуляция подобного рода фрагментарными блоками виртуальной реальности очень легка.

При нынешней свободе самовыражения социальные сети, интернет являются имитацией свободы и позволяют формировать человека и общество, которыми легко манипулировать. Это легко осознается государственными системами, прежде всего Китая, которым мы сейчас восхищаемся и быстро к нему «подтягиваемся». Технологии из чисто вспомогательного средства улучшения комфортной жизни людей превращаются в самостоятельный доминирующий социальный фактор.

Деформируется понимание мышления как некоего свойства, присущего индивидуальному сознанию, т.е. принципиально личностного образования. Можно ли, например, говорить

о сознании искусственного интеллекта или о сознании как о симбиозе человечества и компьютера? Ранее понятие коллективного мышления представляло собой метафору, а сегодня оно приобретает реальные черты. Искусственный интеллект носит и будет носить коллективный характер, позволяющий его рассматривать как прообраз абсолютного сознания или мозга, почти на уровне божественного.

Процесс цифровизации, что мы сегодня ощутили на себе, серьезно влияет на все, в том числе на систему образования. Ранее человек, чтобы обучиться читать, учил буквы, учился, как складывать слоги, учился читать книги, учился писать. Этот процесс был длительным, и длительность этого процесса обеспечивала становление индивидуальности. Сегодня человек может получить информацию («айпадами» пользуются с трех лет) без какого-либо обучения. К современной технике не прилагаются инструкции – человек приобщается к этим технологиям самостоятельно в раннем возрасте, фактически до освоения умения читать и освоения грамоты. Казалось бы, ничего страшного нет: будет получать рано информацию. Но это трансформирует процесс становления, потому что мы не знаем, как информация будет отображена. Например, человек хочет что-то узнать о войне, найдет текст того же Суворова, и нет гарантии, что он будет сравнивать его с другими. Он получит информацию как полную и окончательно адекватную.

Это меняет саму систему образования. Для традиционной системы образования преподаватель был в том числе, а может быть, прежде всего носителем информации: он был старше, знал больше информации и выдавал ее из головы, (кстати, Маклюэн хорошо пишет об этом). Средневековые университеты брали студентов с пятнадцати лет. Почему? Память хорошо работала. Нужно было очень много запоминать текстов, языков; люди по пять языков знали, выучивали текст, чтобы рассказать его в каком-то другом городе. Сейчас возникает проблема качества подачи информации. Старшее поколение, в свою очередь, не учитывает этой информационной продвинутойности молодых и продолжает учить их, читать им лекции по старым материалам, не понимая, что часть этих лекций можно назвать устаревшей.

Нужно перестраивать систему, что приводит к внутренним конфликтам.

Еще одна проблема, в частности и для образования, заключается в том, что большее место начинает занимать визуализация. Мы в каком-то смысле возвращаемся в мир дописьменной культуры, только с визуализацией. Картинка становится первичной, ее становится больше, в том числе в интернете, по отношению к словам и буквам. Если текст стимулирует аналитические навыки работы с понятиями, то аудио- и визуальная информация способствуют впитыванию информации без ее аналитической обработки, за счет простоты усвоения образа, почти на уровне гипнотического воздействия. Как музыка, которую мы слушаем: нам не обязательно быть музыкально грамотными; она нам может понравиться, даже если мы не разбираемся в нотах.

Мир переходит к облегченной пользовательской жизни, когда по любому поводу достаточно нажать соответствующую кнопку. Сегодня ряд функций памяти человека оказывается невостребованным, что небезобидно, ибо закрепляется алгоритмическое мышление. Человек выполняет действия, часто не вдумываясь, почему он их осуществляет. Простой пример: коллеги ездят в машинах по навигатору, и им трудно представить, что в Москве они могут ехать без навигатора. Они даже в магазин на соседней улице едут, включая навигатор. Есть люди, которые без навигатора не ездили. Сам характер действий серьезно упрощается, а от комфорта человек отказываться не будет. Упрощается восприятие мира, понимание его диалектичности, противоречивости. На уровне восприятия в виртуальном пространстве формируется цифровой тоннель, основанный на наших данных, геопозициях, запросах информации, который может быть расположен далеко от реальности. Бог с ней, с рекламой, которая сыпется на нас благодаря этому тоннелю: для нас формируется и новостной тоннель. Мы видим новости, которые в этом тоннеле есть, и, наоборот, не видим тех, которых нет.

Более того, кто знает давно интернет, знает, как изменились браузеры. Десять лет назад, находясь в России и обозначив свою геопозицию, было трудно проникнуть в немецкие, английские,

французские браузеры. Это было возможно, но понадобились усилия. Для молодого человека, который кичится тем, что знает современную технику, это уже недоступно с учетом того, что он этого не знает (не знает о целенаправленном отборе информации в зависимости от геопозиции), если этим не занимается, что тоже служит предпосылкой для манипуляции сознанием. Это предсказал Платон: он в своей знаменитой притче описал людей с оковами на ногах и шее, которые с детства сидят в пещере и видят тень. Пещера для Платона есть образ существования человечества.

Современная пещера – пространство глобальной коммуникации, и человек, погрузившись в сконструированную реальность, воспринимает ее как единственную. Современный человек прикован (пусть не железными цепями) к новостным лентам и часто не способен отличить вымысел, фейки от реальности, что можно заметить у студентов, которые, находясь рядом, по 10–15 человек, сидят, прильнув к экрану смартфона. Они беседуют друг с другом посредством смартфона. Мы видим эту сконструированную реальность. Более того, их невозможно оторвать от участия в таком процессе. Платон поставил этот эксперимент: а что, если мы человека выведем из пещеры на солнце? Он говорил, что тот ослепнет, ему будет некомфортно, и он попросит, чтобы его вернули в цепи и чтобы он спокойно смотрел на привычные тени. Неслучайно для многих сегодня самоизоляция, в которой мы оказались, дополнила образ Платона, ведь для многих это стало самореализацией жизни, особенно для преподавателей. Стало так удобно не выходить на работу, не выходить из своей квартиры, еще и деньги за это получать (государство дает, как ни странно). Просто мечта!

Одна из важнейших функций философии – функция предупреждения. Мы не всё можем сделать, нас не всегда могут услышать, но мы можем об этом сказать, предупредить о тенденциях, которые сопровождают развитие, в том числе научно-технического прогресса, цифровизации. Когда-то я привел страшный образ и меня критиковали: первой формой цифровизации были концлагеря. Это действительно так:

каждому присвоили номер, освободили от идентичности, и система стала легкоуправляемой. Об этом стоит задуматься. Представьте последствия современной цифровизации, например, в 1939–1941 годах.

Научно-технический прогресс несет не только положительные, но и отрицательные последствия. Мы должны их оценивать, чтоб потом не повторять: «Мы не знали, как это будет развиваться». Один из ученых хорошо сказал: «Когда лет двадцать назад происходили ошибки научно-технологические, было время их исправить. Сегодня скорость введения технологий в нашу жизнь настолько убыстрилась, они так быстро вводятся, что времени на их исправление уже не будет». Последнее из них – пейджеры. Помните, как рекламировали пейджеры? Сколько они просуществовали? Деньги вкладывали, а оказалось, что это – тупиковая вещь. Сегодня таких тупиковых ветвей в развитии технологий, которые входят в нашу жизнь, может оказаться намного больше. И, конечно, политические аспекты этого развития, связанные с социальным конструированием, с подготовкой различного рода политических событий, имеют сегодня новые перспективы, и этот факт успешно используется.